

Заведомо ложный донос: дискуссионные вопросы характеристики субъекта и субъективной стороны

Е.А. Мельников

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва

В доктрине существует ряд дискуссионных вопросов относительно субъекта заведомо ложного доноса. В частности, высказываются различные точки зрения относительно того, может ли субъектом заведомо ложного доноса выступать лицо, имеющее уголовно-процессуальный статус обвиняемого (подозреваемого). Автор приходит к выводу, что такие лица в определенных случаях могут быть субъектами рассматриваемого преступления. В статье проанализированы вопросы возможной квалификации действий лица, который совершает заведомо ложный донос в целях самозащиты. Показано, что на квалификацию действий такого лица может оказывать влияние его уголовно-процессуальный статус, а также характер заведомо ложного доноса. Даны предложения по квалификации действий лиц, объединившихся для совершения преступления, предусмотренного ст. 306 Уголовного кодекса РФ, которые распределяют роли между собой, но заявление о преступлении подают только некоторые из них или одно лицо. Автор делает вывод, что при определенных обстоятельствах данные лица могут рассматриваться как соисполнители.

Ключевые слова: *заведомо ложный донос, преступления против правосудия, субъективная сторона преступления, субъект преступления, состав преступления, пособник, подстрекатель, организатор.*

Субъект заведомо ложного доноса условно общий, т. е. лицо, достигшее возраста 16 лет на момент совершения преступления. Однако в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда России такое лицо должно быть официально предупреждено об уголовной ответственности, установленной ст. 306 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)¹ [1].

В некоторых работах, посвященных рассматриваемой проблематике, предлагается снизить возраст субъекта преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ, по аналогии с преступлением, предусмотренным ст. 207 УК РФ, до 14 лет [20]. Аргументы в пользу такого решения выглядят неубедительными. Стоит учитывать, что критерием определения пониженного возраста уголовной ответственности прежде всего должен

¹ Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» (далее – ППВС РФ № 20) [24].

выступать фактор очевидности неблагоприятных общественно опасных последствий совершенного деяния, а не категория преступления или, как в данном случае, аналогия со специальной нормой. Представляется, что общественно опасные последствия заведомо ложного доноса (ст. 306 УК РФ) для 14-летнего не столь очевидны, как последствия заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), когда в целях проверки такого сообщения в ряде случаев парализуется или существенным образом нарушается деятельность организации или, например, объектов транспортной инфраструктуры.

Представляет интерес вопрос о возможности привлечения по ст. 306 УК РФ лица, совершившего преступление, имеющего уголовно-процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого (подсудимого), когда заведомо ложный донос делается им в ходе осуществления уголовного судопроизводства по делу в целях самозащиты. Очевидно, что вышеперечисленные субъекты не могут быть привлечены к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 307 УК РФ.

С момента принятия УК РФ судебная практика долгое время придерживалась позиции, что подозреваемый, обвиняемый (подсудимый) не могут рассматриваться как субъекты ложного доноса, в случае, если такой донос совершен в целях защиты [25, 28, 30]. Подобная позиция разделялась и в некоторых доктринальных источниках [10; 17, с. 64].

Примечательно, что когда заведомо ложный донос подавался лицом, не имеющим процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого (подсудимого), в целях превентивной защиты, чтобы скрыть совершенное им преступление, суды, наоборот, в ряде случаев усматривали в таком деянии наличие состава преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ [23, 31]. В рассматриваемых случаях в отношении указанных лиц не осуществлялось каких-либо процессуальных действий, затрагивающих их права и свободы, и соответствующие заявления были даны за рамками уголовного судопроизводства по конкретному делу. В некоторых работах, посвященных данной проблематике, поддерживается идея, что ложный донос в целях «самозащиты» может быть сделан исключительно лицом, имеющим процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого (подсудимого) [5, с. 52].

Однако в современной уголовно-процессуальной науке наряду с концепцией формального обвинения существует концепция материального обвинения – когда уголовное преследование фактически осуществляется в отношении лица без наделения его соответствующим процессуальным статусом обвиняемого (подозреваемого), в связи с чем данное лицо наделяется соответствующими процессуальными права и гарантиями. Отдельные элементы данной концепции интегрированы и в

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (см. п. 5–6 ч. 3 ст. 49, ст. 144 в части «лица, подозреваемого в совершении преступления»), хотя, безусловно, говорить о том, что уголовное судопроизводство в России исходит из концепции материального обвинения, преждевременно [2]. Вместе с тем при разрешении вопроса о признании действий лица как действий, совершенных в целях защиты от уголовного преследования, по нашему мнению, следовало бы руководствоваться не формальным процессуальным статусом такого лица, а наличием или отсутствием в отношении него действий, свидетельствующих о его фактическом уголовном преследовании.

В последние 10–15 лет концепция о возможности самозащиты подозреваемого, обвиняемого (подсудимого) от уголовного преследования путем совершения заведомо ложного доноса была пересмотрена. В частности, в научных работах отмечалось, что право на защиту должно реализовываться указанными лицами только такими способами, которые не противоречат закону [3, с. 171; 7, 9] и тем более не затрагивают права и законные интересы иных лиц (когда ложный донос осуществляется в отношении конкретного заведомо невиновного лица) [4, 14; 18, с. 151]. На отсутствие у обвиняемых неограниченного права использовать любые аргументы в целях своей самозащиты также указывалось в практике Европейского суда по правам человека [11, с. 7; 15, с. 22].

По данному вопросу сформировал свою позицию и Конституционный Суд Российской Федерации, который отметил, что «наделение гражданина правом представлять доказательства в свою защиту от подозрения или обвинения в совершении преступления не означает возможности его реализации незаконными, в том числе преступными, средствами. Обвиняемый вправе в целях своей защиты либо хранить молчание, либо давать показания таким образом, чтобы с очевидностью не нарушать права других лиц, не прибегать к запрещенным законом способам защиты. В случае заведомо ложного доноса о совершении преступления виновный посягает не только на интересы правосудия, но и на права личности, умаляя ее достоинство. Следовательно, такие действия лица, хотя и предпринятые в качестве инструмента своей защиты, не могут рассматриваться как допустимые, предусмотренные УПК РФ, согласно которому обвиняемый вправе защищаться средствами и способами, не запрещенными данным Кодексом, возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний (пункты 3 и 21 части четвертой статьи 47), а также противоречат положениям статей 17 (часть 3) и 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации» [22].

Рассмотрим пример. В организации тяжкого преступления гражданин Ш. обвинил заведомо невиновного для него человека – главу

администрации города Сибая Республики Башкортостан. В связи с нарушением прав и законных интересов третьего лица действия Ш. не были признаны судами как законный способ защиты. Деяние, совершенное Ш., было квалифицировано по ч. 2 ст. 306 УК РФ.

Однако, как квалифицировать совершение ложного доноса подозреваемым (обвиняемым) без указания на конкретное лицо? Например, в целях защиты подозреваемый (обвиняемый) может указать, что орудие преступления или иное вещественное доказательство по делу были у него похищены неустановленными лицами еще до совершения вменяемого ему преступления, и в связи с этим подать заявление о преступлении в установленном законодательством порядке. Представляется, что в данном случае заявитель, имеющий статус подозреваемого (обвиняемого) по другому уголовному делу, в связи с расследованием которого и подано соответствующее заявление о преступлении, не должен рассматриваться как субъект преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ. Указанное деяние близко по содержательной части другому способу воспрепятствования осуществлению правосудия – уничтожению лицом, совершившим преступление, следов преступления или предметов, которые могли бы в последующем стать доказательствами по уголовному делу. Однако за указанные действия лицо, совершившее преступление, привлечено быть не может (если, конечно, в результате таких действий не было совершено иного преступления).

Таким образом, по нашему мнению, если заведомо ложный донос без указания на конкретное лицо совершается лицом до начала фактического осуществления в отношении него уголовного преследования, то следует исходить из того, что данное деяние посягает на авторитет правосудия, и такое лицо должно быть привлечено к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 306 УК РФ, вне зависимости от целей и мотивов, которыми оно руководствовалось, совершая ложный донос.

Однако, если заведомо ложный донос без указания на конкретное лицо исходит от лица, совершившего преступление, в условиях его фактического уголовного преследования в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, то к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 306 УК РФ, оно привлекаться не должно. При этом ложное сообщение должно содержать информацию о преступлении, которое каким-то образом связано с преступлением, по факту совершения которого в отношении доносителя фактически осуществляется уголовное преследование. В противном случае такие действия подозреваемого (обвиняемого) должны рассматриваться как посягательство на авторитет правосудия и вести к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 306 УК РФ. Также следует учитывать, что заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) и лжесвидетельство (ст. 307 УК РФ) имеют различные непосредственные

объекты посягательства. Поэтому заведомо ложный донос не может рассматриваться как приготовление к лжесвидетельству и не может поглощаться последним в случае выполнения его объективной стороны. Стоит согласиться с позицией Верховного Суда России, что действия лица, совершившего заведомо ложный донос и впоследствии давшего заведомо ложные показания в ходе производства по уголовному делу, возбужденному по его заявлению, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 306 и 307 УК РФ (п. 22 ППВС РФ № 20) [13].

Стоит отметить, что до указанных разъяснений правоприменительная практика, в том числе самого Верховного Суда РФ, придерживалась иной позиции:

«При таких обстоятельствах предъявление к лицу, допрашиваемому в качестве потерпевшего, требования дать правдивые показания означает возложение на него обязанности изобличить самого себя в совершении преступления под угрозой уголовного преследования по ст. 307 УК РФ.

Несмотря на то, что дача заведомо ложных показаний в ходе предварительного расследования и имела место, и нашла свое подтверждение, она не образует состава преступления, так как фактически явилась средством защиты от обвинения в заведомо ложном доносе, то есть другого преступления.

Между тем ст. 51 ч. 1 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом, в связи с чем привлечение Х. к ответственности по ч. 2 ст. 307 УК РФ явилось нарушением этой конституционной нормы, гарантирующей право гражданина не свидетельствовать против себя» [29].

Представляет интерес ситуация, когда в целях совершения преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 306 УК РФ, объединяется несколько лиц, которые распределяют роли между собой, но заявление о преступлении подают только некоторые из них или одно лицо. В рассматриваемом случае действия лиц, непосредственно не подающих заявление о преступлении, могут заключаться в том числе в подготовке искусственных доказательств обвинения для создания видимости реальности события преступления в целях подачи заведомо ложного доноса иным лицом. В правоприменительной практике есть разные подходы к квалификации действий лиц в описанной ситуации.

Встречаются примеры, когда в зависимости от роли каждого лица их действия в рассматриваемой ситуации квалифицируются по ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 306 УК РФ (организация), ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 306 УК РФ (пособничество – в части создания искусственных доказательств обвинения в целях последующей подачи иными лицами заведомо ложного заявления о преступлении). И лишь действия лица (лиц),

непосредственно подавшего заявление о преступлении, – по ч. 3 ст. 306 УК РФ [26].

В других случаях суды действия лиц, которые непосредственно не подавали заявление о преступлении, но принимали участие в искусственном создании доказательств обвинения в целях последующего совершения заведомо ложного доноса иным лицом, не рассматривают как какую-либо форму соучастия в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 306 УК РФ.

Так, по одному из дел судом было установлено, что несколько человек, включая доносителя, совершили действия, направленные на имитацию похищения доносителя, т. е. предприняли действия по созданию искусственных доказательств обвинения. В последующем доноситель подал заявление о совершении в отношении него преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ. Его «сообщник» в качестве свидетеля дал показания в ходе производства по уголовному делу. При этом действия этого лица не были ограничены простым лжесвидетельством. Оно также помогало симитировать похищение лжепотерпевшего в целях создания видимости преступления. Суд в данном случае квалифицировал действия лжепотерпевшего по ч. 3 ст. 306 УК РФ, а его «сообщника» лишь по ч. 2 ст. 307 УК РФ, не усмотрев даже пособничества в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 306 УК РФ [32].

В ряде случаев правоприменительная практика в последнее время следует логике, когда непосредственное участие в преступлении (ч. 2 ст. 33 УК РФ) больше не рассматривается как единственная форма выполнения объективной стороны преступного деяния [8]. В данных случаях речь идет об умышленных действиях лиц, непосредственно направленных на совершение преступления, но формально в объективную сторону преступного деяния не входящих. О таких действиях, в частности, упоминается в ч. 3 ст. 30 УК РФ. Именно такие действия в ряде случаев включаются правоприменительной практикой в объективную сторону преступного деяния при квалификации соисполнительства [8].

С учетом сказанного считаем рассмотренные выше квалификации деяний «сообщников» не в полной мере верными. По нашему мнению, действия лиц, непосредственно не подающих заявление о преступлении, но участвующих в создании искусственных доказательств обвинения для создания видимости реальности события преступления в целях подачи заведомо ложного доноса иным лицом, следует квалифицировать по ч. 3 ст. 306 УК РФ, а не как пособничество, или не квалифицировать в принципе.

Возможность такой квалификации подтверждают некоторые примеры из судебной практики.

Апелляционная судебная инстанция подтвердила доказанность вины осужденного К. в совершении преступления и правильность квалификации его действий по ч. 3 ст. 306 УК РФ. При этом суд признал несостоятельным высказанное в апелляционной жалобе суждение К. о том, что в правоохранительные органы о похищении ребенка сообщил не он, а его жена Ш., она же написала заявление об этом, поэтому в его действиях нет состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 306 УК РФ. Как правильно установлено судом первой инстанции, все действия, направленные на инсценировку похищения, осужденный Кулагин совершил по ранее разработанному плану с осужденной Ш. После инсценировки похищения своей малолетней дочери в соответствии с разработанным планом Ш. непосредственно сообщила о похищении ребенка неизвестным лицом правоохранительным органам. При таких обстоятельствах в действиях осужденного К. усматривается состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 306 УК РФ [27].

Преступление, предусмотренное ст. 306 УК РФ, может быть совершено только умышленно, на что указывает признак «заведомости» ложного доноса. Преступление характеризуется только прямым умыслом, на что указывает сам термин «заведомость» ложного доноса.

При заведомо ложном доносе лицо сообщает о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении, при этом фактические обстоятельства дела, касающиеся события преступления и (или) лиц, его совершивших, заведомо для доносителя не соответствуют действительности [16, с. 164]. Добросовестное заблуждение доносителя относительно ложности сведений, содержащихся в доносе, исключает возможность его привлечения к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 306 УК РФ. Аналогичный подход к квалификации деяния действует и в случаях сообщения о возможных или свершившихся актах терроризма (ст. 205.6, 207 УК РФ).

Особого внимания заслуживает ситуация, когда в основе заявления о преступлении лежит личная субъективная оценка заявителем обстоятельств дела. В этом плане показателен следующий пример:

«Судебным следствием установлено, что ссора между К. и А. действительно происходила, и последний высказывал слова, которые К. восприняла как угрозу в будущем. Эти обстоятельства она указала в заявлении и в дальнейшем подтвердила при допросе в качестве потерпевшей, поэтому суд пришел к правильному выводу о том, что К. не желала и не сообщала в правоохранительный орган ложных сведений» [21, с. 949].

В ст. 306 УК РФ отсутствует указание на цель и мотивы ложного доноса. Вместе с тем установление цели данного деяния имеет значение для квалификации, например, для разграничения со смежными составами в случае самоговора. Определение цели ложного доноса также имеет значение для разрешения вопроса о привлечении к уголовной

ответственности по ст. 306 УК РФ подозреваемого (обвиняемого), совершившего ложный донос без указания на конкретное лицо, в целях самозащиты.

Также при заведомо ложном доносе в отношении конкретного лица требуется установление наличия цели на привлечение к уголовной ответственности заведомо невинного лица. Подобный вывод поддерживается правоприменительной практикой [27]. При этом в доктрине отмечается, что цели действий доносителя могут различаться в зависимости от ситуации. В частности, когда доноситель сообщает, что к нему применялось насилие, под воздействием которого он оговорил себя, он преследует цель избежать уголовной ответственности путем оговора сотрудников правоохранительных органов. В данном случае доносителю безразлично, привлекут ли их реально к уголовной ответственности или нет. Ложный донос используется как средство достижения цели [6, с. 17].

В законодательстве некоторых иностранных государств корыстный мотив или низменные побуждения рассматриваются как квалифицирующие признаки ложного доноса [12]. Корыстный мотив рассматривался как квалифицирующий признак ложного доноса в УК РСФСР 1926 года (ст. 95).

В правоприменительной практике встречаются случаи, когда заведомо ложный донос совершается в отношении сотрудников правоохранительных органов (вымогательство взятки, применение незаконного насилия в целях получения показаний или признания вины и т. д.). Зачастую в таких ситуациях возможности для доказывания сильно ограничены. В ряде случаев есть только заявление о преступлении и объяснения сотрудников правоохранительных органов, данные ими в ходе проверки этого заявления. Другими словами, как поступать в ситуации, когда доказывание осуществляется по модели «слово против слова»? В этом аспекте показателен следующий пример:

М. подал в правоохранительные органы заявление о возбуждении уголовного дела в отношении старшего следователя <...> С. по ст. 163 УК РФ якобы за то, что в ходе личного приема последний потребовал у него за прием и регистрацию заявления в отношении Председателя Верховного Суда РФ деньги в размере 5 тыс. долларов США.

По заявлению М. в отношении следователя С. была проведена проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, по результатам которой вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием события преступления. Одновременно в отношении М. было возбуждено уголовное дело в связи с заведомо ложным доносом в отношении следователя С. Приговором Басманного районного суда г. Москвы от 21.12.2010 г. по делу № 1-361/11 М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 306 УК РФ [19].

Фактически в данном деле и в ряде подобных случаев недоказанная причастность (виновность) сотрудника правоохранительных органов

отождествляется органами следствия и судом с доказанной непричастностью (невиновностью) данного сотрудника. В противном случае привлечь заявителя к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 306 УК РФ было бы невозможно. Представляется, что практика применения такого стандарта доказывания по указанной категории дел требует внимания со стороны Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Адаменко В.Д. Охрана свобод, прав и интересов обвиняемого. Кемерово: Кемеров. книжн. изд-во, 2004. 270 с.
4. Баев О.Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий: проблемы и возможные решения) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Блинников В.А., Устинов В.С. Лжесвидетельство: уголовно-правовые, криминологические, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. 340 с.
6. Бриллиантов А. Заведомо ложный донос: вопросы квалификации // Уголовное право. 2014. № 3. С. 13–18.
7. Гончаров М. Заведомо ложный донос – не способ защиты // Законность. 2009. № 8. С. 31–32.
8. Данилов Д.О., Яни П.С. Соисполнительство (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору): позиция высшего судебного органа // Законность. 2020. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Дикарев И.С. Законные интересы обвиняемого // Государство и право. 2010. № 8. С. 55–62.
10. Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 33–35.
11. Нафиев С., Васин А. Право на защиту – не беспредельно // Законность. 1999. № 4. С. 5–7.
12. Петрова Г.О. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос в России и за рубежом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Скрипченко Н.Ю. Квалификация преступлений против правосудия в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2023. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Смолин С. Ответственность подозреваемого (обвиняемого) за заведомо ложный донос // Законность. 2012. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Смолькова И.В. Должен ли обвиняемый нести уголовную ответственность за оговор заведомо невиновного лица? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 3 (78). С. 15–25.

16. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.Я. Дорохов, Л.М. Карнеева, и [др.]; Отв. ред. Н.В. Жогин М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.

17. Фаргиев И. Заведомо ложный донос (актуальные вопросы судебной практики) // Уголовное право. 2007. № 5. С. 61–66.

18. Федоров А.В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации) / отв. редактор А.И. Чучаев. Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2004. 284 с.

19. Цветков Ю.А. Заведомо ложный донос: соотношение материального и процессуального // Мировой судья. 2017. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Цветкова Е.В. Ограничение прав несовершеннолетнего при подаче заявления о совершенном преступлении // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 638–640.

21. Энциклопедия уголовного права. Т. 28. Преступления против правосудия. Издание профессора Малинина. СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС. СПб., 2017. 1124 с.

22. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2013 г. № 661-О // СПС «КонсультантПлюс».

23. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 г. № 1818-О // СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // СПС «КонсультантПлюс».

25. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.06.2010 г. № 83-Д10-2 // СПС «КонсультантПлюс».

26. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31.01.2012 г. № 48-О11-122 // СПС «КонсультантПлюс».

27. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 06.11.2013 г. № 83-АПУ13-13 // СПС «КонсультантПлюс».

28. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второе полугодие 1997 года (утв. постановлением президиума Верховного Суда РФ от 14.01.1998 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 4.

29. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 15.08.2012 г. по делу № 22-11076/12 // СПС «Гарант».

30. Кассационное определение Пермского краевого суда от 12.07.2011 г. по делу № 22-4394 // СПС «КонсультантПлюс».

31. Приговор Балахнинского городского суда Нижегородской области от 13.08.2012 г. // СПС «Гарант».

32. Приговор Преображенского районный суда г. Москвы по делу № 01-0714/17 [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/01cbac30-e80d-4510-bbb6-36fb032a9d22> (дата обращения: 03.07.2025).

Об авторе:

МЕЛЬНИКОВ Евгений Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы

государственного аудита ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы), SPIN-code: 6170-9104, Author ID: 7718546; e-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

Knowingly false denunciation: controversial issues of the subject and the subjective side

E.A. Melnikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

There are a number of controversial issues in the doctrine regarding the subject of a knowingly false denunciation. In particular, various points of view are expressed as to whether a person with the criminal procedural status of an accused (suspect) can be the subject of a knowingly false denunciation. The author concludes that such persons may in certain cases be the subject of the crime in question. The article discusses the issues of possible qualification of the actions of a person who commits a knowingly false denunciation in self-defense. It is shown that the qualification of such a person's actions can be influenced by his criminal procedural status, as well as the nature of a deliberately false denunciation. Suggestions are given on how to qualify the actions of persons who have joined together to commit a crime under Article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation, who assign roles to each other, but only some of them or one person file a crime report. The author concludes that under certain circumstances, these individuals can be considered as co-executors.

Keywords: *knowingly false denunciation, crimes against justice, the subjective side of the crime, the subject of the crime, the composition of the crime, an organiser, an instigator, an accessory.*

About author:

MELNIKOV Eugeny – PhD in Law, Associate Professor of the Department of economic and financial investigations of the Higher school of public audit of Lomonosov Moscow State University (119991, Moscow, GSP-1, Leninskiye Gory), SPIN-code: 6170-9104, AuthorID: 7718546; e-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

Мельников Е.А. Заведомо ложный донос: дискуссионные вопросы характеристики субъекта и субъективной стороны // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 76–86.

Статья поступила в редакцию 15.07.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.